

ПРОЛОГ

Этой деревни не было ни на одной из известных карт Древней Руси. А те, кто помнил ее название, не произносили его вслух, опасаясь гнева богов.

Капище, где некогда, подобно непоколебимым грозным стражам, стояли идолы, лишилось своих почитателей, а затем и вовсе ушло под речную воду. Исчезли сторожевые башни и ворота, рассыпались в пыль опустевшие избы, стерев все следы жизни, заглушая отголоски былых радостей и горя. Трещины от ударов молний, бежавшие по дорогам, ветры занесли песком. А сухие лепестки сереборинника¹, некогда ставшие свидетелями прекрасной любви, были навеки похоронены под жесткими еловыми корнями. Густой и мрачный лес, возникший на месте деревни, долгое время считался проклятым местом, обителью ведьм и мар², и лишь посланники новой веры развеяли этот миф. Сейчас и от леса не осталось следа.

---

¹ Сереборинник — так в Древней Руси называли шиповник.

² Мары — низшие божества славянской мифологии, призраки, духи.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Из-за плотных белых облаков выглянуло весеннее солнце, словно ему, как и другим жителям деревни, не терпелось услышать новости. Несмотря на теплый ветер со стороны реки, Фая ежилась, крепче прижимая к груди платок. Ее глаза не отрывались от дальнего конца пыльной дороги, по которой утром мужчины ушли на совет. Всего несколько часов назад гонец принес весть, что к границе княжества, на которой и располагалась деревня, приближалось войско кочевников, известных своей невиданной жестокостью и свирепостью в битвах. Прошло несколько лет с тех пор, как воинам Древней Руси приходилось отражать их атаки, и до сих пор они не решались двигаться на север.

Мальчишки, пытавшиеся подслушать, вернулись домой понурые, потирая ушибленные затылки. Фая очень жалела, что волшебные зеркальца из бабушкиных сказок, позволяющие героям общаться даже в разлуке, не существовали на самом деле. Она бы многое отдала, чтобы узнать, что сейчас делает один юноша. Но даже бабушкино гадание сейчас было бессильно.

— Как ни спрости, битва грядет страшная, — задумчиво ворчала Марфа, перемешивая на столе кусочки костей с вырезанными на них символами. — Вижу, что исход решит поединок. Смерть готова к встрече... А больше и ни-

чего. Руны больше не хотят говорить. Попробую еще раз позже.

Но и позже их ответ не изменился. Игнорируя расспросы и мольбы внучки, Марфа спрятала кости в мешочек, а его завязала за пояс. С тех пор желание Фаи стащить его и выбросить в реку лишь усилилось.

— Работать на сегодня закончила? — окликнула ее Марфа, выйдя на крыльцо. — Али курятник сам себя подмел? Оттого, что ты стоишь у забора как вкопанная, время не победит быстрее. Фаина, ты слышишь меня? — сказала она уже настойчивее, не получив ответа.

В своей ворчливой манере бабушка пыталась отвлечь Фаю от тревоги, но заниматься привычными делами не поднимались руки. Сердце то принималось стучать так, что было тяжело дышать, то замедлялось в страхе перед неизвестностью. Пока она снова не увидит Матвея, вся деревня могла погрязнуть в перьях и помете. Прикусив язык, чтобы не сказать этого вслух, Фая вздохнула и направилась к курятнику, завязывая платок узлом на груди.

Марфа тем временем вернулась в избу, насупив брови и чувствуя, как горят на поясе руны. Со дна большого сундука, где хранили чистое белье, она вытащила другой, поменьше, и поставила его на лавку. Она была не в силах сдерживать дрожь, когда сняла с шеи ключ и вставила его в замок, и пальцы свободной руки сами потянулись к потускневшей от времени луннице¹ на шее.

От отца-волхва ей достались пожелтевшие гадательные кости, никогда не утаивавшие правду, и несколько драгоценных свитков бересты с молитвами, описаниями целебных трав и ритуалов, а также историями о богах и чудесах, которые те творили для смертных. Один из них не видела ни одна живая душа, кроме нее, и обращаться к нему наказали только в тот момент, когда другого пути к спасению от беды не оставалось.

---

¹ Лунница — металлическое украшение в виде полумесяца.

И Марфа понимала, что время пришло. Еще никогда она не испытывала столь ужасного чувства беспомощности, как сегодня во время гадания. Тревога, страх и гнев стоявшей рядом Фаины передались и ей, и когда после нескольких бесплодных попыток она получила ответ, то сразу заговорила вслух, не желая медлить. И самое страшное было произнесено и услышано.

За долгую жизнь в деревне Марфе пришлось пройти и через засухи, и неурожай, и нападения соседних поселений, с которыми теперь был заключен мир. Ей случалось получать от рун ответы, которых она совсем не желала. Но могла ли она представить, что Фаина, которой до сих пор не сулили ничего, кроме счастья, вместе с ними была обречена на столь страшное будущее? Словно сами боги не сразу смогли увидеть ее судьбу, а после ужаснулись.

То, что предначертано, было сложно изменить, но она все же хотела попытаться.

Самый маленький хрупкий свиток, перевязанный веревкой с крепким узлом еще до рождения Марфы, всегда был холоднее льда. Однако сейчас узел был развязан, словно написанное внутри само желало быть прочитанным. Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться в старых молитвах, и тогда, попросив прощения у отца, она встала и проковыляла к печи. Золу выгребли еще вчера, чтобы они с Фаей могли помыться, но на глине все равно оставались черные следы копоти. Береста на их фоне выглядела белой как снег.

Не отрывая глаз от свитка, Марфа прочитала несколько многословных молитв, обращенных к богу Перуну, сильнейшему из всех, покровителю жизни в подлунном мире. Облегчением ей служила мысль, что она ни разу не оскорбила его непочтительностью или грубостью, как и оказавшаяся под ее опекой девочка. Марфа не была Фаине родней по крови, но по-своему дорожила ею и не могла обречь на вечные муки.

Закончив молитву, она окружила бересту стебельками полыни и боярышника, не без радости вспомнив, что темные силы не переносят их запаха, и подождла. Вспыхнувшие рыжим языки пламени тут же окрасились в кроваво-красный, и пожираемый ими свиток почернел и съежился.

«И пусть мое дитя получит все, чего заслуживает», — подумала напоследок Марфа.

Пламя на мгновение вспыхнуло, словно в ответ, и погасло, не оставив даже искры. Береста с описанием древнего ритуала рассыпалась черной блестящей пылью, при виде которой с плеч Марфы словно сняли тяжелую ношу. Она сгребла пепел в мешок, добавила туда сухого чертополоха и поспешила наружу, закопать его у корней березы и молить светлые силы, которые та олицетворяла, о спасении для них всех.

Когда Марфа закрывала дверь, в сени незаметно проник сквозняк. Бесшумный, словно ядовитая змея, он коснулся маленького сундука, который она оставила незапертым, и проник в замочную скважину. Изнутри раздался шорох — словно кто-то невидимый развернул свитки. Или положил новый.

Ближе к вечеру по деревне пронесся слух: кочевники окажутся здесь утром через три дня — слишком скоро, чтобы на выручку поспела княжеская дружина, зато соседние поселения обещали помощь. Возглавит оборону старый воевода Борис Рокотов; а если силы окажутся равны и перед битвой будет решено устроить поединок, все его племянники вызовутся добровольцами. Последнее известие ни для кого не стало неожиданностью, но в глазах Фаи на мгновение потемнело, и она крепче сжала в кулаке кончики платка, не обращая внимания на царапавшую кожу жесткую шерсть.

Отдать жизнь в битве, чтобы защитить свою землю и семью, всегда считалось в этих землях почетным. Как и совершение боевых подвигов во имя богов, что сотворили для людей целый мир столетия назад и продолжали управлять им

до сих пор, милостиво принимая подношения в свою честь. О величии жертв во имя победы с именем Перуна на устах слагали песни и легенды, место которым было на капище и во время боевых ритуалов. Но все это вовсе не значило, что отпускать мужчин на войну было легко.

Матвей пришел, когда переполошенные жители разошлись по домам. По отцовской линии он унаследовал высокий рост и крепкие плечи, от матери — карие глаза, по цвету напоминавшие мед. В его густых темных волосах удивительно хорошо смотрелись луговые незабудки, но об этом не было известно ни одной живой душе, кроме него и Фаи. Она взяла его за руку и повела к их излюбленному месту — мимо ромашек, лилий-саранок и васильков к заменяющему скамейку стволу дерева у зарослей шиповника. Они были достаточно густы, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Фая ухаживала за садом сама и очень им гордилась. Матвей усадил девушку рядом с собой и поцеловал в лоб, перебирая пальцами каштановые пряди толстой косы. Фая опустила голову ему на плечо и прикрыла глаза, хотя бы на несколько мгновений позволив себе спрятаться от остального мира, желающего забрать его у нее.

— Я посвящу победу тебе, душа моя, — сказал Матвей с улыбкой. Его голос был низким, как у дяди; ходили легенды, что прозвище Рокотов их предкам дали как раз из-за него. — Заявлю об этом во всеуслышание. Глядишь, и братья на радостях найдут себе невест, и сразу сыграем свадьбу.

— Жаль, что они не сделали этого раньше, — прошептала Фая, не открывая глаз. Его слова были прекрасны, и не было ничего хуже, чем думать о том, что они никогда не станут явью.

Братьев у него было два, и, будучи младшим, Матвей не мог объявить о помолвке раньше них. Судя по тому, как смотрела на Фаю его родня, они надеялись, что однажды он передумает и выберет более подходящую невесту. Рокотовы жили в соседней деревне, но после пожара этой весной, ко-

торый оставил их без дома и главы семьи, все перебрались к Борису. У того имелись большая изба и просторный двор, где держали коров, стадо овец и десяток свиней. У Фаи же не было ни отца, ни матери, которые оставили бы приданое, а Марфа жила скромно. Мяса, молока и шерсти у них никогда не бывало слишком много.

Была и еще одна причина, почему семья Матвея не проявляла к их союзу благосклонности. Бездетной Фае минуло восемнадцать, и она пересекла опасную черту, после которой девушка теряла надежду выйти замуж, уступая более юным невестам. В детстве Марфа нагадала ей обрести великое, невероятное счастье, но годы шли, а Фая оставалась одинока. Было очевидно, что боги сыграли с ней злую шутку. Горечь, которую она чувствовала поначалу, со временем исчезла, оставив после себя смирение. Ее бабушка была одинока и являлась живым доказательством того, что, вопреки всем унижительным прозвищам и пословицам, жизнь без брака могла быть вполне сносной — если не лениться и правильно вести хозяйство. По крайней мере, Фае не было уготовано жить с уродливым стариком или любителем поколачивать жен. Под строгим надзором Марфы она научилась всему, что должна была знать женщина, не имея поддержки мужа, и в ее речах не было робости, которую могли ожидать от сироты суровые свахи и сватья. Дважды переговоры о помолвке закончились ничем, получившие отказ юноши в один миг забыли о ее существовании. И быстро нашли себе других жен, одна из которых уже была беременна.

Вот же гордячка! А ведь была бы недурна, шептались старухи, имея в виду румянец и зеленые глаза девушки, если бы пополнела и избавилась от веснушек на лице. Их не могла вывести даже сильнодействующая мазь из сорочьих яиц. То была верная примета, что совесть у нее нечиста, а в душе есть место недоброму лукавству. Однако девятнадцатилетний юноша из семейства Рокотовых в такие вещи явно не верил. Батюшка, как-то раз обронил он,

встречал в своих путешествиях много хороших людей, которые делили с ним пищу и кров и ни разу не пытались обокрасть. У некоторых были веснушки. Нельзя по ним судить о душе человека.

Матвей провел костяшками пальцев по шее Фаи над воротом рубахи, заставляя затаить дыхание. Никому в деревне не удавалось победить его в кулачных боях, но, касаясь ее, он всегда был ласков. Рассказы других девушек нередко изобиловали грубыми подробностями близости с мужчинами, ее собственный краткий опыт оказался не менее болезненным, и Фая была счастлива узнать, что бывает и по-другому. Обещание большего в его глазах и поцелуях делало ожидание свадьбы более сносным.

— Не все такие счастливички, как я. Я понял, что принадлежу тебе, в тот же миг, как впервые увидел.

— И ушел, ничего не сказав, — пожурела она его в который раз за последние месяцы.

— Ты спросила бы, отчего я стою и смотрю, как ты танцуешь, а я бы и не вымолвил ни слова. Никогда такого не бывало, что я не мог разгадать собственное сердце. А оно уже было в твоих руках. — Его обычно спокойный голос дрогнул. — В ночь Ивана Купалы я уже знал, что ты станешь моей женой. Единственной женой, других мне не надо. Как же ты была красива в лунном свете.

Фая крепко зажмурилась, не позволяя себе заглянуть ему в глаза, — обычно они говорили куда красноречивее слов, и тогда она бы точно не сдержала слез. Только он звал ее неполным именем, и оно всегда звучало ласково, заменяя собой все нежные слова.

— Знаешь, я ведь сегодня видел сон.

— Какой же? Хороший? — с надеждой спросила она.

— Конечно. Там была ты. И дом, в котором мы будем жить.

Отец Матвея был купцом и в детстве много рассказывал ему о диковинных орнаментах, которые ему удалось увидеть

в дальних землях. Он был уверен, что сможет повторить их собственными руками, хотя порой невообразимые по красоте описания напоминали Фае сказки. Думал Матвей и о том, что однажды сам станет купцом, а поскольку расставаться с женой он не имел ни малейшего желания, то они уедут из деревни вместе — вот же неслыханно! — и отправятся в путешествие. За море, где есть роскошные дворцы, чьи крыши касаются облаков, и сады прекраснее, чем в любых легендах. Оттуда они привезут мягкие перины, шелк и фруктовые деревья, и цветы для сада Фаи. Их жилище будет самым красивым во всей деревне. Место на дворе Рокотовых, где к избе могла быть пристроена клеть¹ для молодой семьи, будущий муж уже присмотрел.

Фая знала, что последует за Матвеем куда угодно, — ее счастье было заключено в нем одном, и неважно, где они окажутся. Сейчас она была готова пожертвовать всеми дворцами на свете, лишь бы приближающиеся кочевники рассыпались в прах.

— Уж лучше бы сегодняшний день был сном, — глухо ответила она. — Матвей, правда ли, что сказывают... что *они* рубят врагам головы, а потом пируют их останками, что вороны? И делают себе из костей княжеские венцы? Сжигают дома и поля на потеху своим проклятым черным богам?

Матвей отпустил ее волосы и взял за руку, поглаживая маленькую ладонь.

— Не смешивай сказки и явь, — уклончиво ответил он. — Я тоже целюсь в голову, ибо тогда смерть наступает наверняка. Мой дядя уже сражался с ними раньше и знает, чего ждать. Они еще пожалеют, что решили напасть на нас.

Фая вспомнила, что сказали бабушке сегодня руны, и по ее телу пробежала дрожь.

---

¹ Клеть — в древности — отдельная пристройка к избе, где обычно селились новые члены семьи.

— Ты можешь выйти на поединок, — что значило страшную смерть в случае его поражения и — почти наверняка — в случае победы: он должен был продолжать битву ослабевшим.

— Да, коли так укажет жребий. Но не забывай, я учился драться на мечех с семи лет.

Его голос был совершенно спокоен, будто Матвей не чувствовал страха. Но по едва заметной дрожи в пальцах, по тому, как он прижал ее к себе еще крепче, Фая понимала, чего он боится — прежде всего того, что не сможет защитить будущее, которого они так ждали. Она ответила тихой лаской, запуская руку в его волосы и поглаживая густые пряди, пока его плечи не расслабились. Матвей был куда выше и сильнее, и то, как легко он покорялся ей, заставляло ее сердце трепетать подобно пойманной в силки птице.

— Побудь со мной, мой свет. Хотя бы до заката, — попросила она, мягко целуя его в губы. Ее бабушка ушла к соседке, чтобы помочь с отелившейся коровой, и долго еще не вернется.

Матвей кивнул. Улегшись на бок, он положил голову ей на колени и закрыл глаза, улыбнувшись сквозь бороду, когда она снова коснулась его волос. Он часто звал ее красавицей, но и Фая подолгу любовалась его лицом в те моменты, которые им удавалось провести наедине.

Как только соседки могли говорить, что, в отличие от братьев, он был не так уж хорош собой? Ни у одного из их женихов не было таких густых ресниц и мягких губ. Резкость его черт уравновешивалась теплым цветом глаз. Лицо его, над которым потешалась одна девица, пока не получила от Фаи оплеуху, было благородным и честным. Фая порой шутила, как пошел бы Матвею княжеский венец; в ее воображении князя выглядели именно так.

Над их головами кружили первые пестрые бабочки. Вдалеке из чащи леса вынырнул и метнулся обратно вниз ястреб. Ничто не нарушало окружавшую их тишину; даже

птицы, казалось, решили нарушить свои привычки и не прилетать сегодня вечером в сад. Чем дольше Фая смотрела на умиротворенное лицо Матвея, тем крепче становилась ее решимость. Она не отдаст свое счастье на милость жребия.

* * *

До той памятной ночи Ивана Купалы Фая изредка видела его в деревне. Матвей работал много, но тихо, редко подпевая другим мужчинам, если они заводили песни. Он вообще не отличался разговорчивостью; его братья шутили, что его мысли с детства были заняты резьбой по дереву, а теперь их матушка захотела украсить терем деверя в знак признательности за гостеприимство и поручила это младшему сыну. Некоторые соседи, у кого были на выданье дочери, разом захотели попросить у него совета, но время шло, а невесту юноша себе так и не выбрал. Другие Рокотовы тоже с этим не спешили, но если их часто видели с разными девушками на реке и в поле, то Матвея Фая встречала выходящим из леса, с топором на поясе и срубленными деревцами на плечах; что-то шло на дрова и веники для бани, а из остатков он мастерил игрушки для детей и посуду. Ножик в его сильных руках казался крохотным, и все диву давались тому, до чего ловко он с ним управляется. Он притягивал взгляд Фаи, куда бы та ни пошла, но любовалась она на него украдкой, не желая слышать насмешки от более удачливых в сердечных делах девушек.

Перемолвиться с Матвеем словом ей довелось в начале лета. Выйдя как-то утром из курятника, она с удивлением обнаружила на дороге соседских детей. Одни задорно улыбались и хихикали, другие стирали со щек следы слез. Некоторые держали в руках жмурившихся на солнце котят. А в центре необычной группы, как медведь в окружении зайцев, стоял, переминаясь с ноги на ногу, Матвей. Рукав его рубашки был порван и испачкан кровью.

— Фаина, Фаина! — заголосили дети, едва ее увидев. Некоторых она нянчила еще младенцами, получая за это от их родителей отрезки ткани для игрушек, шерсть и еду. Теперь они прибегали к ней за яблоками и цветами для своих игр. — Что тут случилось, ты не поверишь!

— Что с вами приключилось? — удивленно воскликнула Фая, стряхивая с юбки перья.

Дети громко заговорили все разом, но она смогла уловить суть. Они убегали от собак, ускользнувших со двора местного рыбака, когда на помощь им пришел возвращавшийся из леса Матвей. Он отогнал свору и помог снять с деревьев испуганных котят. А затем, возбужденно добавил мальчик с самым крупным котенком на руках, подрался с хозяином своры, который явился посмотреть на переполах и, по своему обыкновению, был зол на весь мир. Не подражаться было нельзя, подхватила девочка, — он угрожал скормить собакам их всех, а заодно и Фаю, которую назвал... а это и повторять не стоит, торопливо добавил другой мальчик, покосившись на Матвея. Тот одобрительно кивнул.

Фая устало прикрыла глаза. В прошлом году Марфа отказалась обсуждать помолвку с этим самым рыбаком, памятуя старую обиду, и тот пустил слух, что Фая была ведьмой. Лишь когда в ночь Ивана Купалы она перепрыгнула через священный костер и осталась невредима, люди окончательно поверили, что в нем говорит оскорбленная гордость. К его проклятиям в ее адрес давно уже привыкли.

И мальчики, и девочки тем временем благодарили Матвея, восхищаясь его ростом, силой и храбростью. Сразу несколько рук обняли его за ноги, кто-то уговаривал котенка лизнуть его руку, и Фая, к своему изумлению, заметила, что щеки юноши порозовели. Мускулы у него были что камень, а вот сердце оказалось нежным.

— Пальцами пошевелить можешь? Выглядит скверно, — нахмурилась она, указывая на глубокие царапины на его руках. — Это сделал он или собаки?

Имя рыбака вслух она произносить не желала. Матвей согнул и разогнул пальцы, даже не поморщившись от боли.

— Он и драться-то не умеет. Собаки только пару раз прикусили. — Он пожал плечами, не желая пугать стоявших рядом детей. — А вот *они*, — кивок в сторону котят, — явно не собирались сдаваться без боя. Чую, через пару лет можно будет брать их на медвежью охоту.

Дети довольно захихикали. Фая покачала головой, прятая улыбку.

— Беды бы тебе не было после такого боя. Соседка говорила, кошка так оцарапать может, что рука опухнет, будто дубина. Пойдем-ка, коли мастерство свое потерять не хочешь.

Оставив детей спорить, кто уложит котят спать в колыбель, Фая подвела Матвея к бочке с едва теплой дождевой водой. Набрала в ведро и помогла ему смыть с рук кровь. Затем, поколебавшись мгновение, предложила мазь, которой бабушка лечила ее царапины. В конце концов, не гонять же Матвея на другой конец деревни к знахарю, который мог и уйти по своим делам.

Матвей последовал за ней в избу, сгорбившись, чтобы не задеть головой низкий потолок. Когда он сел за стол, подставив ей руки, горница стала казаться Фаяе еще меньше, но его присутствие не было подавляющим и не вызвало у нее тревоги. Пару лет назад они с Марфой наконец-то раздобыли бычий пузырь, чтобы натянуть на окна, но света в хижине все равно было мало. Она зажгла лучину и принесла горшочек с мазью, а затем села рядом с Матвеем.

— Я дам тебе немного с собой. Наноси на рассвете и на закате, и скоро боль должна исчезнуть, — сообщила она, осматривая побагровевшую кожу на его костяшках и царапины повыше запястья. — А пока побереги себя от драк. Я знаю того рыбака, он от тебя не отступит.

— Не тревожься, Фаина, — отозвался Матвей, помедлив перед тем, как произнести ее имя, словно собираясь с ду-

хом. Затем его голос посуровел: — Он отступит, если не захочет, чтобы его поганый язык скормили его же собакам. И знай, что ты больше не услышишь от него ни одного грубого слова.

Фая почувствовала, как к щекам приливает жар. Никто никогда не дрался, чтобы защитить ее честь; в детстве она и сама могла пустить в ход кулаки и метлу, если кто-то говорил плохо об их с Марфой жилище. Совладав с волнением, она ответила, на мгновение подняв взгляд:

— Спасибо.

Ее мозолистые пальцы снова коснулись его рук, мягко втирая мазь. Матвей тихо вздохнул, не сводя глаз с ее сосредоточенного лица. Не так он представлял себе их первый разговор наедине. А думал он о нем уже несколько дней — с того раннего утра, когда увидел Фаю на лесной поляне.

Она собирала цветы, двигаясь в солнечном свете, будто танцуя под слышимую ей одной мелодию. Движения ее были легкими и тихими, стан — гибким, и на какой-то миг ему показалось, что перед ним не просто деревенская девушка, но сам дух лета — необыкновенная красавица, чья улыбка озаряла все вокруг. Конечно, он много раз проходил мимо маленькой избы, видел подопечную сварливой Марфы в поле и у реки, но как так вышло, что лишь сейчас он настоящему разглядел ее?

Матвей успел сделать крохотный шаг в сторону поляны, прежде чем царивший вокруг покой нарушил тонкий птичий щебет. Внутри него что-то как будто оборвалось: на память пришли старые насмешки его братьев, снисходительные взгляды на праздниках и смех. Он ушел, так и не обнаружив себя, но с того дня Фая не покидала его мысли.

Не составило труда узнать, что у нее не было ни мужей, ни жениха или поклонников, и тогда в его сердце появилась надежда. Сейчас мягкие прикосновения и румянец на щеках девушки укрепили его уверенность. Он позволил себе любо-

ваться ее тонкими чертами, не обращая внимания на жжение мази, и, когда она закончила и потянулась за полотенцем, спросил, не сдержав себя:

— Как мне отблагодарить тебя, красавица?

Фая застыла, не привыкнув слышать такое обращение в свой адрес, сказанное искренне. Веснушек у нее было не так уж и много, но забыть о них ей не позволяли с самого детства.

Матвей тем временем ожидал ответа, склонив голову набок. Улыбка у него была добрая, под стать взгляду, и он смотрел на нее несколько долгих мгновений.

— Ничего не надо, — отмахнулась Фая, снова смущаясь. Она и без того позволила себе не спешить, когда наносила мазь и шептала молитвы, призывающие скорее исцелить Матвея и простить ему все прегрешения — если таковые были. Оказывается, прикоснуться к чужим рукам могло быть очень приятно. — Это я должна благодарить тебя.

— Чепуха — я сделал то, что было правильно. — Он оглянулся по сторонам, рассматривая маленькую горницу. — Позволь хоть дров наколоть. Или принести воды.

— Дров я наколола достаточно, да и воды у нас хватает, — ответила Фая, чувствуя на себе его пристальный взгляд. Она давно не говорила наедине с мужчиной, но так, как Матвей, на нее определенно не действовал никто. Под кожей как будто вспыхнул огонь, а в горле вдруг пересохло. Она взяла кувшин и выпила немного воды.

— Тогда прошу, прими вот это. — Матвей осторожно вытащил из сумы на поясе маленького деревянного конька и поставил на стол. — Пусть он защищает тебя от всех бед.

Фая взяла его обеими руками, рассматривая аккуратные ушки и вырезанные по бокам цветочные узоры. Таких оберегов она еще не видела.

— Это что, серебрянник?

— Да. На самом деле, — признался Матвей, — меня вдохновляют цветы, что ты посадила под окнами.

— Ты настоящий мастер, — откликнулась она, позволив себе быстрый взгляд в его сторону. — Спасибо за твою доброту. Ты что же, был учеником волхва, раз уверен, что он меня защитит?

— Помог как-то раз старцу, когда тот заплутал в лесу, — объяснил он, довольный, что ей понравился подарок. — А он в благодарность открыл мне секрет этого оберега.

— И научил тебя резьбе?

— Нет. — Его голос смягчился, став почти грустным. — Меня учил мой батюшка. Он и сейчас направляет мою руку, а во сне дает советы. Братья мне никогда не верят — считают, у него на небе есть более важные дела.

Фаю кольнула зависть. Своих родителей она не помнила, даже не могла сказать, от кого из двоих ей достались веснушки. Тонко плачет женский голос, кричит мужской, громко и грубо. Отцовская ладонь с силой толкает ее в спину, прямоком под ноги незнакомой тогда Марфы, со словами: *«Плата за ночлег. Мне пора в путь»*. Вот и все воспоминания. Даже во снах родители к ней не приходили. Иногда Фая сомневалась, были бы они рады, узнав, что в доме Марфы, пусть и не всегда ласковой, она никогда не чувствовала себя рабыней.

Матвей нахмурился, наблюдая за ее лицом, и девушка поспешила ответить:

— Что ж, раз ты и правда так хорош, твой путь лежит прямо к княжескому двору. Сотворишь там чудеса заморским купцам на зависть и семье на радость. Глядишь, и за меня получится замолвить слово, — неловко пошутила она, коснувшись ожерелья из кусочков разноцветного дерева на шее.

Тут дверь открылась, и в хижину вошла Марфа, застыв в удивлении при виде гостя. Выслушав объяснение Фаи, она похвалила ее за находчивость и предложила Матвею остаться на скромный обед из каши и вяленого мяса, который он, немедленно согласившись, не переставал нахваливать. После Матвей еще раз поблагодарил ее за доброту и ушел. Фая

начала убирать со стола и только тогда вспомнила, что не отдала ему мазь.

Она выбежала из избы. Услышав свое имя, юноша тут же вернулся к калитке и принял из ее рук завернутый в полотенце горшочек.

— Спасибо, Фаина. — Он улыбнулся, опустив взгляд себе под ноги, и вдруг сказал: — Вообще-то есть еще одна вещь, которую я хотел у тебя попросить.

— И что же? — Фая не скрывала любопытства в голосе. Неужто он говорит о свидании? Или... поцелуе?

— Цветок.

Он кивнул в сторону кустов сереборинника, посаженных в глубине. Фая очень дорожила ими и редко срывала цветы, но не нашла в себе силы отказать в просьбе Матвею. В его руке недавно раскрывшийся бутон с алыми лепестками казался маленьким и хрупким, и он держал его бережно.

— Просто цветок? — уточнила она, не понимая, чувствует ли облегчение или разочарование. — И для чего он тебе, Матвей? Куст из него будет расти долго.

— Я знаю. Я просто никогда не думал, что смогу однажды встретить такую красоту, — ответил Матвей, снова глядя на нее тем же пристальным взглядом. — Хочу всегда знать, что это был не сон.

Он говорил совсем не о цветке.

Сердце Фаи стучало так быстро, что она не решилась ответить вслух, боясь, что будет дрожать голос. К счастью, юноша, похоже, спешил и потому попрощался, удовлетворившись ее благодарной улыбкой. Остаток дня Фаю переполняло странное, ни на что не похожее волнение. Той же ночью она положила под подушку деревянного конька и совсем не удивилась, когда встретила Матвея во сне. То был очень хороший сон — они оказались вместе на берегу реки под ярким солнцем, и Фае было хорошо и спокойно. Но вот что случилось дальше, утром она вспомнить не смогла.

Наяву она думала о нем все чаще, разрываясь между противоположными чувствами. Невозможно было сдержать улыбку и успокоить сердце, стоило ненароком поймать его взгляд. В то же время она помнила, что в деревне хватало девушек куда моложе и красивее. Возможно, кто-то из них ему уже приглянулся, и в ночь Ивана Купалы они будут танцевать вместе и совершат брачный обряд. При этой мысли внутри у Фаи все холодело, и она усилием воли заставляла себя сосредоточиться на вышивке цветов на сарафане для грядущего праздника, поглядывая на принесенный из леса букет.

Если уж уготована жизнь в одиночестве, с горечью думала она, у нее останутся на память его оберег и улыбка, с которой он, сидя так близко, смотрел на нее и на эти цветы. Тем солнечным утром, когда она их собирала, было легко представить тихий лес ее княжеством, а себя — княгиней, за которой наблюдает суженый.

— Хочешь, погадаю для тебя на рунах? — предложила Марфа. От нее не укрылись ни взгляды, которые бросал на девушку Матвей во время обеда, ни то, как усердно она старалась не смотреть на него. Предсказание наконец-то сбылось, в этом она была уверена. Однако Фая отказалась, не желая услышать подтверждение своим страхам.

Она не могла знать, что Матвей дождался той же ночи с большим нетерпением. Он жалел, что не был здесь в Карачун¹, когда мужчины могли предъявить права на понравившихся красавиц в ритуальных играх и понять, взаимны ли их чувства. Ведь в ночь Купалы первыми свои намерения выражали именно девушки. Тем сильнее было удивление Фаи, когда на празднике у берега реки юноша из ее снов и мыслей не сводил с нее внимательного взгляда, словно надеялся заглянуть в самую душу, — а она была не в силах отвернуться,

---

¹ Карачун — по мнению некоторых исследователей, в славянской мифологии так назывался зимний солнцеворот и связанный с ним праздник.

пока он не встал рядом с ней у костра. От него пахло еловой смолой и травами.

— Здравствуй, Фаина.

То, как преобразилось его лицо в тот момент, как нежно звучал голос, заворожило Фаю. Их двоих словно окутали чары, против которых были бессильны любые страхи и сомнения. И когда они взялись за руки, внутри девушки расцвело тепло, и сердцу пришлось биться чаще, чтобы справиться с ним.

Танцы сменились широким хороводом вокруг огня. Под бой барабанов и звон бубнов деревенские жители пели и смеялись, ускоряя шаг в такт одобрительным крикам и взмахивая соединенными руками. Для каждого бога из пантеона была заготовлена своя песня, прославляющая его силу, могущество и милосердие, без которых не было бы ни земли, ни неба, ни солнца или луны. В воздухе смешивались запахи сурья¹, пота, горящих поленьев и речной воды, перед глазами плясали рыжие языки огня, но сильнее всего Фая ощущала крепкую хватку Матвея на своей ладони. Его улыбка, когда он смотрел на нее, становилась все ласковее, и пусть они не произнесли ни слова, это было и не нужно. В ту ночь Фая узнала, как много можно сказать взглядом, и, когда музыка смолкла и Матвей отпустил ее, почувствовала разочарование.

Не раздумывая, она впервые за много лет присоединилась к группе девушек, готовившихся к следующему ритуалу — выбору суженого. Многие хихикали, не ожидая увидеть в ней соперницу за желанное сердце. Матвей встал напротив, в одном ряду с другими женихами, и Фая услышала, как заülüюкали его братья. Когда девушки побежали вперед, она могла лишь надеяться, что, пусть его плеч коснулись другие руки, он все же выберет ее.

---

¹ Сурья — славянский сакральный напиток, готовился на основе меда и молока.

После этого, переполненная возбуждением и восторгом, она бросилась в лес. Вокруг слышались девичий визг и смех, то и дело раздавался торжествующий мужской возглас, когда невеста была поймана. Холодная трава хлестала по ногам, ноги вязли во влажной земле, а света луны едва хватало, чтобы видеть очертания деревьев и растений. Огибая кусты, она ловко перепрыгнула через муравейник и выругалась, когда юбка зацепилась за колючки, едва не повалив ее на землю. Фая быстро огляделась по сторонам. В ушах шумела кровь, а сердце стучало о ребра так, словно было готово выскочить из груди.

— Кажется, я опоздал, — произнес хриплый голос.

Она вздрогнула и обернулась. Матвей стоял за ее спиной, держа в руке венок из сереборинника и дубовых веточек, который она потеряла на пути сюда. Его грудь вздымалась и опускалась, пока он пытался отдышаться.

— Тебя уже поймал лесной дух, — он кивнул на ее юбку и тихо засмеялся.

Фая снова резко дернула ткань, оставляя несколько клочков на колючках, и попятилась к залитой лунным светом поляне.

— А вот и нет. — Она не могла скрыть торжества в голосе.

Откинув со лба влажные волосы, Матвей следовал за ней. Его глаза мерцали, как угольки, и казалось, что весь остальной мир исчез, оставив их одних в серебристом сиянии. Встав почти вплотную, он откинул с ее плеча тяжелую косу и положил руку на шею, другой держа ее венок. Фая дрогнула, хотя он источал тепло подобно пламени.

— Ну, красавица, — сказал Матвей, — к княжескому двору отправимся вместе.

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем он говорил, и тогда на ее лице появилась широкая, счастливая улыбка. Никому прежде Матвея она ее не дарила.

— Сперва поцелуй меня, друг разлюбезный, — поддразнила она. — Вдруг передумаю.

Он не мешкая притянул ее к себе, обвивая рукой талию. Они разделили один поцелуй, затем еще один и еще, обретая уверенность в себе и друг в друге, и каждый раз звезды перед ее закрывшимися глазами вспыхивали ярче. Матвей шептал ей в губы ласковые слова, смеялся, что ни за что не позволил бы ей передумать, а Фая мечтала лишь о том, чтобы им никогда не пришлось возвращаться в деревню, нарушая уединение.

Много позже по пути обратно они нашли на земле веночек Матвея. Фая взяла его себе, и всем стало ясно, что они выбрали друг друга. А затем, не обращая внимания на изумленные возгласы вокруг, они разбежались и перепрыгнули через священный костер, держась за руки, завершая обряд. Однажды они сыграют свадьбу.

* * *

Солнце закатилось слишком скоро. Матвей ушел, на прощанье крепко поцеловав Фаю. Собственное тело казалось ей невероятно тяжелым, как после целого дня работы в поле. У нее едва хватило сил на улыбку, но ради него она постаралась выглядеть бесстрашной, ничем не выдавая своих мыслей.

Тревога, сжимавшая ее сердце железным кулаком, боролась с безумной надеждой. Чувствуя каждый шаг, Фая зашла в горницу, закрыла за собой дверь и опустилась на колени перед старым сундуком, поставив рядом горящую лучину. Она знала, что это там хранились древние свитки, семейные реликвии Марфы — старинные целебные рецепты, молитвы, сказки и описания ритуалов. Прикасаться к некоторым из них она разрешала только в праздничные дни и с величайшей осторожностью. Другие и вовсе были для Фаи под запретом, и его нарушение сулило наказание розгами. Рука у Марфы была тяжелая, и прежде Фая не смела ослушаться прямого наказа.

Обнаружив, что сундук заперт, она не сдержала раздраженного вздоха. Ключ Марфа всегда носила при себе, как ей завещал отец. Тогда Фая взяла со стола нож и, шурясь в слабом свете, стала ковырять им в скважине. В деревне говорили, за неимением легендарной разрыв-травы он иногда мог заменить ключи. Наконец замок поддался, и Фая со стуком откинула тяжелую крышку на пол. В нос ударил странный запах пепла, и пламя лучины качнулось, едва не погаснув. Фая поежилась — казалось, окружавшая ее темнота стала холоднее и гуще и вот-вот поглотит свет.

Она неплохо умела читать и надеялась, что сможет найти что-то полезное. Идти за советом к жрецам не хотелось — они бы говорили только о том, что судьба каждого человека была предрешена и Фае следовало надеяться на благоприятный исход. Разложив перед собой на столе свитки, она с удивлением обнаружила, что один из них был холодным точно лед, а скреплявший его узел был развязан. Его-то она и решила посмотреть первым. Лист был таким тонким, что грозил разорваться при первом неосторожном движении. Развернув свиток, Фая не нашла там ни рисунков растений, ни описаний ритуальных костров. Вместо этого верхнюю часть бересты занимало изображение изогнутого моста через реку между двумя холмами. Берег одного из холмов усеивали черепа, а вместо солнца над мостом светила черная луна. Каждый ребенок знал легенду о Калиновом мосте и реке Смородине, разделявшей миры живых и мертвых, и Фая не сомневалась, что сейчас смотрела именно на них.

По спине пробежала дрожь, и она заставила себя перевести взгляд ниже, на ровный чернильный полукруг. Изображения луны, серпа, козы и ворона танцевали в хороводе, а прямо по центру был выписан ровный столбик слов, которые она искала. Фая прочитала их про себя несколько раз, стараясь запомнить наизусть, а когда закрыла глаза, они вспыхнули в темноте, точно написанные огнем. Собственное дыхание в тишине горницы казалось ей оглушительным.

К тому моменту как бабушка вернулась домой, свитки уже были спрятаны в сундук, на столе догорала лучина, а Фая сидела на лавке, прижав к сердцу подарок Матвея. Пальцы, заледеневшие после прикосновения к свитку, только-только начинали оттаивать.

— Не тревожься. — Бабушка потрепала ее по плечу и подошла к печи. Подобрав юбку, медленно поднялась по ступенькам и устроилась на перине. — Завтра все соберемся на капище и вознесем молитвы богам. Уберегут они наших воинов, и Матвей невредим вернется. Недаром слухи про Рокотовых ходят, что род они ведут от самого Перуна, которому девицы в лесах частенько приглядывались. И нам с Ярой сегодня теленок будто улыбнулся — а то добрая примета, сама знаешь.

Фая крепче сжала в руке конька. Ей очень хотелось попросить у бабушки совета, но она боялась, что та может запереть ее дома до самого возвращения Матвея. Она бы ничего не поняла... сама как-то сказала, что никогда не чувствовала то, что Фая.

— Боги нам помогут. Ложись спать.

На следующий день Фая, как и все женщины в деревне, готовила подношения. Они с Марфой не смогли бы привести к жертвенному алтарю быка, как более богатые соседи, зато испекли пироги с ягодами, капустой и грибами. Их аромат должен был задобрить богов. Пока Марфа перекладывала их на чистое полотенце, Фая спустилась в погреб за вареньем и соленьями, а после сплела столько цветочных венков, на сколько хватило в саду цветов. Вместе с остальными жителями деревни она прошла от капища на берегу реки до сторожевых башен у ворот, вознося молитвы богу сражений и грома Перуну. Затем воины во главе с верховным жрецом обратились к душам почивших предков, прося помочь в завтрашней битве. Матвей шел, держа Фаю за руку, и она знала, что он думает об отце. На плечо ему на корот-

кий миг опустился шмель, и юноша просиял, благодарный за посланный знак. Фая с нежностью сжала его пальцы и, сосредоточившись на смутном воспоминании о собственных родителях, попыталась обратиться к ним, прося защитить Матвея. Но слова не шли, а сильнее всего оказалась мрачная мысль — с чего им отвечать сейчас, если раньше не было дела до дочери? Отогнав печаль, она обратилась мыслями к ельнику в лесной чаще, куда собиралась отправиться этой ночью. К счастью, на небе будет полная луна, которая наделит ее молитвы столь необходимой силой.

Матвей помог ей с Марфой отнести дары к капищу и положить на огромный священный камень, рядом с чашами с медом и горшками с кашей. Его белоснежная поверхность была испещрена трещинами и слабо мерцала в солнечном свете. За деревянными воротцами у подножия идолов Перуна, Велеса и Макоши уже стояли жрецы, готовившиеся разжечь костры в окружавших местах. Люди собирались на поляне перед капищем: юноши, мужчины и старики, готовящиеся завтра вступить в битву, их жены и дети. Ни на одежде, ни на лицах не было ни пятнышка грязи.

Взгляды были прикованы к ликам могущественных богов, высеченных на деревянных идолах, на чью помощь они сейчас уповали всей душой. Небо было ярко-голубым и безоблачным, светило солнце — добрый знак, что те были благосклонны. Теплый воздух стал густым от наполнившей поляну энергии, где смешались страх и благоговение. Фая могла почувствовать, как она проникает ей под кожу и пульсирует в жилах, подчиняя сердце своему ритму. Она знала, что и Матвей, и Марфа, и все остальные, стоя плечом к плечу, испытывают то же самое. Однако куда сильнее внутри нее было тянущее, тревожное чувство. Она потупилась, рассматривая вытопанную траву под лаптями, чтобы ненароком не выдать себя. Бабушка сказала, что битва будет страшной, а смерть уже готова к встрече. Завтра их войско станет еще больше, и никто, даже верховный жрец, не смог бы сказать,

проявят ли боги одинаковую благосклонность ко всем воинам — особенно если речь идет о младших сыновьях в большой семье.

Фаю прошиб озноб, как накануне, когда она держала в руках ледяной свиток. Следующая мысль была настолько жуткой, что она едва сдержала стон: в эту самую минуту их враги точно так же молили о помощи своих демонов, которых считали равными богам. Что, если завтра высшие силы будут вести собственный бой, попросту забыв о людях? И призовут в *свое* войско души погибших воинов? Ее уверенность в принятом накануне решении тут же возросла.

Матвей мягко толкнул ее плечом, с немим вопросом заглядывая в глаза. Она покачала головой и выпрямилась, и, хотя лицо ее было спокойно, сердце в груди металось, как обезумевший перед охотником зверек. Пульс колотился в висках, почти заглушая молитву.

По восьми сторонам света вокруг капища вспыхнули ритуальные огни, выбрасывая снопы искр. Вслед за ними вместе со жрецами десятки голосов запели священную песню, вознося ее высоко к небесному царству Перуна.

* * *

После гадания на потрохах черного петуха, возвестившего о победе над вражеским войском, на капище было шумно и весело. Воины разделили с богами трапезу жертвенным быком, положив его останки в священное пламя у подножия идолов. Боевые крики пронзали сумеречный воздух, отточенные лезвия рассекали его подобно молниям.

Все это время Фае казалась, что она двигается и говорит будто во сне, повинувшись общему настроению, и сон оборвался, лишь когда Матвей разыскал ее и взял за руки. От него пахло огнем и дымом священного костра, над которым он вместе с остальными воинами закалял свой меч. В тот момент на его лице застыло суровое, даже свирепое выраже-

ние, и Фая с новой ясностью осознала: завтра он будет сражаться до последней капли крови.

Сейчас в его глазах горел огонь другого рода.

— Идем со мной, — тихо сказал он.

Фая согласилась не колеблясь. Матвей кивнул семье на прощанье, и впервые за все время она не увидела на лицах его братьев ни следа обычной насмешки. Они были не единственной парой, что желала провести наедине хотя бы несколько часов, чтобы у мужчины осталось достаточно времени для отдыха.

Всю дорогу до его двора они молчали. Сердце Фаи разрывалось между нежностью и страхом, и она очень боялась выдать последний. Вместо этого она сосредоточилась на звуке его ровного, спокойного дыхания и думала о том, что будет ждать их, когда он вернется с поля битвы. То были самые простые вещи — праздничный пирог с мясом из ее скудных запасов, который они разделят в саду; венок из луговых цветов у него на голове; новые уроки резьбы по дереву, после которых она наконец-то научится вырезать красивые цветы; танцы в огне купальского костра; первое из многих утро, когда она проснется его женой. Целые дни вместо украденных часов.

— Фая. — Матвей остановился у крыльца избы, поворачивая ее лицом к себе. Подняв к губам их соединенные руки, он поцеловал ее ладонь. — Ты дрожишь, душа моя.

Он не спрашивал ее почему и не уговаривал вспомнить, что совсем недавно предсказали жрецы. В его карих глазах были нежность и понимание, и Фая почувствовала, как к горлу подбираются предательские слезы. Но сейчас для них было не место и не время.

Она шагнула ближе, касаясь его бородатой щеки, и не сдержала улыбки при знакомом чувстве щекотки. Матвей накрыл ее губы своими, и она обвила руки вокруг его шеи, зарываясь пальцами в густые волосы. Он прижал ее к себе так крепко, что Фая могла почувствовать, как быстро бьет-

ся его сердце. Часть ее хотела провести так целую вечность, другая же не могла игнорировать разгорающееся внутри желание. Словно читая ее мысли, Матвей оторвал ее от земли и поднялся на крыльцо, а затем их окутало тепло горницы, пахнувшее горящим деревом и мочеными яблоками. Фая подумала было, что скажут его мать и дядя, если узнают, что они были здесь, а не во дворе или на сеновале, но Матвей быстро оборвал ход ее мыслей.

— Не думай ни о чем, — попросил он, остановившись у лестницы к полатам и отрываясь от ее губ. Они не зажгли лучину, но света, пробивавшегося сквозь слюдяные окна, хватало, чтобы видеть руки и глаза друг друга. Он отвязал от пояса тяжелый меч и прислонил его к лавке, беря ее лицо в ладони. — Матушка, тетя и дядя сейчас на капище вместе с другими старейшинами, братья нас не побеспокоят. Сейчас есть только ты и я, и никого больше на целом свете.

Фая все же не сдержала слез, но это было намного позже, когда она лежала на лавке в руках Матвея, обняв его за талию и чувствуя его дыхание на своей шее. Перина запуталась где-то у них в ногах, но исходившего от разгоряченного тела юноши тепла было достаточно для них обоих. В какой-то момент он распустил ее длинные волосы, и теперь они каштановыми волнами рассыпались вокруг них, касаясь пола.

Только ты, я и никого больше на целом свете. Пове- рить в его слова было легко, когда он был всем, что она могла видеть, слышать и чувствовать. Годы тоски и одиночества таяли под силой его взгляда, прикосновения кожи к коже были сродни чарам, исцелявшим раны, о которых она даже не подозревала. Быть с ним было так же естественно, как дышать. И пусть их мечты о будущем доме были прекрасны, сейчас, в его руках, Фая знала, что уже была дома. Если боги отберут его у нее, то жить ей будет просто незачем.

Кожу на висках жгли дорожки слез, пока она перебирала в памяти поцелуи и прикосновения, которые они разделили этим вечером. Затем ее мысли обратились в прошлое, к ночи после Ивана Купалы, когда Матвей пришел к ней и она впервые почувствовала его прикосновения. Он смотрел на нее с благоговением, страстью и лаской вытесняя неуверенность и страх, не дававшие ей покоя, пока она ждала его. С каждой встречей они все больше доверяли друг другу и больше разговаривали. Матвей рассказывал ей о своей жизни в другой деревне, а еще признался, что думал, что со смертью отца на свете не осталось людей, которые бы искренне им дорожили. Фая поведала ему свою историю, не скрывая страха перед одиночеством на всю жизнь, который так никогда и не исчез окончательно. При воспоминании о теплой улыбке, которую он подарил ей в ту ночь, глаза снова обожгло, и Фая тихо втянула носом воздух, запрокидывая голову, чтобы не дать слезам пролиться.

Над ней зашевелился Матвей. Она почувствовала поцелуй на шее, затем теплые пальцы провели по ее талии. Приподнявшись на локте, он заправил ей за ухо прядь волос и ласково коснулся щеки. Черные волосы растрепались и падали ему на глаза.

— Ты голодна?

Она покачала головой, не желая даже думать о том, чтобы выпустить его из объятий. Вдруг это был последний раз, когда они были вместе?

— Сегодня я хочу заснуть вместе с тобой, — тихо сказал он, словно не был уверен в ее согласии. — Останься еще ненадолго?

Вместо ответа Фая поцеловала его, вкладывая в касание губ все чувства, что переполняли ее в этот момент. Это было подобно вспыхнувшей лучине, отгоняющей тьму, а вместе с ней все страхи. Хотя бы на какое-то время. Воспоминания не оставили от усталости и следа, ее руки толкнули его на бок и заскользили по телу. Когда Матвей откликнулся на ее ласки, стало ясно, что сон мог еще подождать.

После Фая держала Матвея за руку до тех пор, пока его не одолел сон, а дыхание не стало ровным. Натянув ему на плечи перину, она поднялась на ноги и, стараясь не шуметь, нашла на полу свою рубаху, онучи и лапти.

Переполненная сладкой болью, она выскользнула за дверь. Нужно было спешить, пока луна стояла высоко. Добравшись до дома, Фая тут же направилась к своей лавке, из-под которой вытащила тяжелый узелок с остатками подношений, что приберегла утром.

— Фаина, это ты? — сонно окликнула ее Марфа со своего места на печи.

— Я.

— Ты что, опять уходишь?

— Да. Матвей ждет меня у реки, — сказала Фая, надеясь, что голос звучит ровно.

— Ах вот оно что. Силы-то у молодых хоть отбавляй. Тогда возьми еще один платок, — не без доброты посоветовала Марфа. — У воды всегда холоднее, даже когда есть кому согреть.

Фая повиновалась, избегая ее взгляда, и вернулась обратно в ночь. Она с детства ненавидела лгать и почувствовала укол стыда оттого, что бабушка так легко поверила ей.

Казалось, за те несколько минут, что она провела в избе, снаружи стало холоднее. Озноб пробирал до костей, но, по крайней мере, небо было ясное и луна освещала ей путь. Вокруг было тихо; собаки принимались ворчать, когда она шла мимо, но Фая двигалась слишком быстро, чтобы они могли всерьез забеспокоиться. Идти на капище было нельзя — духам тьмы там было не место, к тому же обет, который она собиралась принести, требовал уединения.

Подойдя к сторожевой башне у стены, окружавшей деревню, она окликнула стражника и попросила выпустить ее за ворота, к священной роще Перуна.

— Ай, иди, — устало отмахнулся он, не дав ничего объяснить. — Много таких уже ушло. Смотри аккуратнее, нечисть не примани.

«Сомневаюсь, что теперь мне опасна нечисть», — подумала про себя Фая, крепче запахивая платок. Она никогда не гуляла по ночам одна, тем более в лесу, но чем ближе становилась его мрачная громада, тем крепче суеверный страх сжимал ее сердце. Кто знает, что могло встать на ее пути.

— Матвей, — шептала она себе под нос, как молитву, заставляя озябшие ноги идти вперед, в чащу. Зубы стучали так сильно, что становилось больно. Перед глазами стояло мирное спящее лицо, а тело еще помнило прикосновение его губ. — М-матвей. Матвей.

Поцеловав головку деревянного конька для храбрости, она повернула в сторону ельника, оставляя позади дубовую рощу, откуда доносились тихие голоса молящихся. Стараясь ступать как можно тише, Фая прислушивалась к шорохам в траве и хлопанью крыльев над головой — звукам ночной жизни леса, в которой ей не было места. Лицо царапали веточки и листочки. В слабом свете, пробивавшемся сквозь листья, она несколько раз споткнулась о кочки, оставленные кротами, а один раз зашипела от жгучей боли: крапива задрала подол рубахи и хлестнула ее пониже колен. Заухала сова, и Фае показалось, что она смеется над ее самонадеянностью: неужто к ее одинокому голосу прислушаются? Сжав зубы, она продолжала идти, пока не увидела за деревьями окутанную серебром поляну, которую, словно стражи, окружали высокие ели. В нос ударил их густой, горьковатый запах.

Следуя наставлениям из свитка, она встала в центре поляны, разложила перед собой подношения и расшитое цветами полотенце, прежде предназначенное в подарок Матвею. На него легли обереги и бусы, сделанные из дерева и красивых камней. После она разделась донага и едва не вскрикнула — в тело словно впились десятки ледяных иголок. Фая поспешно распустила косу, оставив волосы струиться по плечам и груди, прикрывая бедра. Они дали совсем крохотную толику тепла. Затем она встала на колени, подставляя

лунному свету спину, и очертила вокруг себя полукруг, делая нужные отметки среди сухих еловых игл и шепча под нос выученную ранее молитву. Говорила она медленно, привыкая к словам на древнем языке, из которых точно знала всего одно — Марена, грозная повелительница ночи, олицетворение круговорота рождения, плодородия и смерти. Ее духу не нашлось места среди идолов на капище, но ее могущество было неоспоримо. Без ее воли на полях не всходили посевы, а трава для скота становилась горькой и сухой. Она правила в царстве за рекой Смородиной, и каждый, кто умирал, становился ее подданным.

Шло время. Фая не чувствовала пальцев ног и рук, вокруг не осталось звуков, кроме ее собственного прерывистого дыхания, но мысль о том, чтобы остановиться, ни разу не посетила ее. Лунный свет стал таким густым, что она не видела ничего за пределами круга. Завершая ритуал, она вытащила из кармана лежащей недалеко юбки нож и, дав ему искупаться в свете, приставила кончик к груди. Какие бы подношения она ни принесла с собой, дух не прислушается к желанию ее сердца, если сперва не получит его крови.

Это самое сердце билось с болью, утонувшей в стоне Фаи, когда она сделала надрез. Он повторял форму полумесяца с опущенными вниз концами, как было наказано в свитке. По лезвию побежало тепло. Она быстро прикусила губу, напоминая, ради чего пришла сюда. Боль уйдет, исчезнет и шрам. А что ей всего дороже, останется с ней навсегда.

Прижав платок к груди, чтобы остановить кровь, она вытянула нож и позволила каплям крови упасть на каждый из символов, начертанных на круге. Те мгновенно впитались в землю. Ее жертва была принята. Фая положила окровавленный нож рядом и всхлипнула, комкая насквозь промокшую ткань и скрючившись над землей. Оставалось только ждать и надеяться, что луна, вечная помощница девушек в гаданиях и ритуалах, поможет ей и сейчас. Время шло, но вокруг стояла тишина. Внутри нее начало расти отчаяние,

усиливая боль в груди при каждом вздохе. Зубы выбивали дробь от холода.

Когда слезы высохли, что-то коснулось ее волос у самой шеи — точно пальцы перебирали густые пряди. Она медленно подняла голову и замерла, встретив пронзительный взгляд янтарных глаз. Сверху вниз, выпрямившись во весь рост, на нее смотрела старуха, закутанная в черные лохмотья. Кожа ее была белая, как у покойницы, а седые волосы уложены вокруг головы короной. Не моргая, она смотрела в лицо Фае, которая больше не чувствовала ни боли, ни холода; ее тело было во власти невидимой силы, исходившей от старухи, и когда та заговорила, каждое слово отдавалось ударом внутри замершего сердца.

— Убери свою игрушку, пока я не передумала. Чужих благословений тут не надо.

Фая моргнула, не сразу понимая, о чем речь, но затем сжатую в кулак руку словно обожгло. Раскрыв ладонь, она посмотрела на конька. Веревкой-уздечкой он был привязан к ее запястью. Пришлось бросить его за пределы круга, в кромешную тьму, но у Фаи не было времени за него испугаться. Марена заговорила снова:

— Сегодня ты и твои люди возносили молитвы богам и просили помощи духов предков в грядущей битве. Зачем ты пришла сейчас ко мне?

Фая наконец обрела дар речи:

— Просить за того, кто мне мил.

На морщинистом лице не появилось ни усмешки, ни признаков узнавания.

— Коли среди его предков были великие воины, они ему помогут. Коли нет, после смерти его встретят как подобает.

— Он не может умереть! — Фая сорвалась на крик, но старуха даже не шелохнулась. Лишь тонкая седая бровь поползла вверх.

— И это говоришь *ты*? Решила, раз дары твои так искусны, получила надо мной власть?

— Пожалуйста, — отчаянно зашептала Фая, простирая к ней дрожащую руку, другой прижимая к груди платок. — Милостивая госпожа, прости меня. В нем одном заключена моя жизнь, и я сделаю что захочешь, чтобы он вернулся ко мне.

— Ах так. И почему же ты считаешь, что никто на свете его не заменит?

Вопрос был задан все тем же бесстрастным тоном. Фая опустила глаза, разглядывая следы собственной запекшейся крови на ноже. Были ли хоть на одном человеческом языке слова, чтобы объяснить, что значили для нее каждый взгляд и прикосновение Матвея? Стук его живого сердца под ее ладонью? Ласковые слова, которые он шептал ей просто так или в минуты страсти? Мечты, которыми делился с ней день за днем, строя их жизнь на годы вперед? Ей было нечего ответить.

— Я вижу, — пророкотал дух. Когда Фая подняла взгляд, уголок ее тонких губ приподнялся в подобии улыбки. Она была слишком напугана, чтобы заметить в ней торжество. — Молод он, хорош собой? Добр сердцем, надо полагать, и ласков?

Фая закивала.

— Что же ты готова предложить мне за его жизнь?

— Что пожелает твоя душа. — Она выпрямилась, глядя на нее немигающим, искренним взглядом.

— Ах, желаний у меня много, и некоторые не сбудутся никогда, — как бы про себя заметила Марена, воздев глаза к небу.

Затем ее взгляд небрежно скользнул по обнаженному телу Фаи, задержавшись на окровавленном платке.

— Душа подобно твоей, однако, в моем царстве бы пригодилась, — промурлыкал дух. — Такие чувства всегда делают людей краше, чем они есть.

Фая заставила себя не двигаться; внутри нее все кричало от ужаса. То, что она прочитала в книге, подготовило ее

к этому моменту, однако оказаться в нем наяву было куда страшнее. Она не чувствовала ничего близкого к религиозному исступлению, о котором так много говорилось в легендах о богах.

— Не спешишь убежать? — хрипло рассмеялась старуха, подождав немного. — Похвально. Я не убийца, поэтому заберею ее, когда настанет час тебе пересечь Калинов мост. Умерев один раз, твой милый сможет вернуться к тебе. Ты получишь то, что просишь, но за это проведешь вечность, служа царству мертвых. Таково мое условие.

Фае показалось, что глаза старухи весело сверкнули, но это могла быть просто игра лунного света.

— Один раз, — прошептала она; язык с трудом ей повиновался.

— Бессмертных людей на свете не бывает.

Она сжала руку, где прежде держала конька, но пальцы сомкнулись вокруг пустоты.

— И будучи у вас в услужении... я смогу видеть его? Говорить с ним?

— Если ваша связь так сильна, как ты считаешь.

Впервые с тех пор, как она оставила Матвея, на ее лице появилась улыбка. Их связь была единственным, в чем она, не зная ни родителей, ни места своего рождения, никогда не сомневалась. Ради него она выдержит что угодно.

— Я согласна.

— Дай мне руку.

Она сделала глубокий вдох и протянула ладонь. На нее упал деревянный оберег, который богиня вытащила из своего рукава. По форме он напоминал секиру Перуна, которую Фая видела сегодня у других воинов на капище. Матвей носил подобную каждый день. Затем, к ее изумлению, лунный свет засиял на деревянной поверхности, словно на воде, и так же внезапно погас, оставив после себя тяжесть и едва заметный серебристый узор, извивающийся подобно цветочному побегу.

— Оберег сделан из ели у Калинова моста, — продолжала Марена. — Завтра первым делом надень его на шею тому, за кого просила, и прочти молитву, которую я тебе скажу. Так, окажись он на пороге смерти, его узнают и отпустят обратно. А после, когда он вернется, убедись, что будешь первой женщиной, к которой он прикоснется. Иначе мое благословение потеряет силу и он умрет.

Фая решительно кивнула, зажав дар в кулаке. Затем Марена медленно заговорила на древнем языке, что был записан в бабушкиных свитках. Если бы Фая видела себя со стороны, заметила бы, что глаза ее вспыхнули янтарем, а печать царицы подземного мира легла на лицо, стерев со щек румянец. Но в тот момент в душе ее царила радость. У ее счастья будет шанс на спасение.

— Благодарю тебя от всего сердца.

— Помни мой наказ. И не рассказывай о своем обете ни одной живой душе.

Марена растаяла в воздухе, забрав с собой все подношения и обереги, оставленные Фаей. Тьма отступила, и на девушку обрушился бурный поток звуков и запахов леса. Пришлось на несколько мгновений зажмуриться, чтобы не кружилась голова. Вернулся и холод, поэтому она набросила на плечи чистый платок, содрогаясь всем телом. Немного придя в себя, Фая потянулась за коньком, лежащим совсем рядом, и удивилась, до чего он был теплым по сравнению с даром духа. Тот выглядел совсем просто, но, как и от Марены, от него будто исходила невидимая сила.

Фая тряхнула головой: в серебристом свечении ей почудились кровавые отблески, а далекий клич совы превратился в крик боли. Пора было возвращаться домой. Неизвестно, сколько времени отнял обряд, и Марфа могла забеспокоиться. С трудом встав на одеревеневших ногах, она начала одеваться и поморщилась, когда холодная ткань рубашки оцарапала кожу. Онучи пришлось на несколько секунд прижать к груди, чтобы хотя бы немного согреть. Нож, как и платок с пятнами

крови, она думала спрятать в саду до утра. Косу Фая заплела лишь наполовину, то и дело прикрывая глаза от боли, саднящей в груди и отдающей в левое плечо. Наконец, проведя правой рукой по земле, она стерла все следы ритуала, прошептала под нос последнюю молитву и ушла с поляны не оглядываясь.

* * *

Рано утром войско должно было выступить навстречу кочевникам. Фая, проспав всего пару часов, с трудом держала глаза открытыми, но ни на миг не позволила себе забыть об обереге, что сжимала в руке.

— Ты что-то бледна, — заметила Марфа, пока они шли к воротам вместе с остальными жителями. — Не заболела ли, часом?

Фая покачала головой, подавив зевок. Домой она вернулась глубокой ночью, продрогнув до костей, и проснулась спустя всего несколько часов, чтобы подоить корову. Сейчас под ее глазами пролегли тени, а тело пробирала дрожь. Ноги едва слушались.

— Хочешь, приготовлю для тебя травяной отвар?

— Бабушка, я здорова, — мягко ответила она. Саднившую ранку у сердца кольнуло. *Да неужто?* — Отвар мне ни к чему. Я буду в порядке, когда все закончится.

— Ох, Матвейка, надеру уши, как вернешься, — едва слышно пробормотала себе под нос Марфа.

Разыскать Матвея среди других воинов, прощавшихся с родными, было несложно — он возвышался над толпой на целую голову. Вместо обычной рубашки на нем была стеганая, под кольчугу, пояс украшали защитные руны, несомненно вышитые рукой матери, а лапти сменились высокими сапогами. Вместе с братьями они запрягали лошадей в повозки с оружием и броней, поправляя гриву и шлеи, чтобы лежали ровно и не натерли животным спины. Чувствуя царившее вокруг напряжение, лошади нервничали, мотая голова-

ми и топча тяжелыми копытами землю. На глазах Фаи одна вдруг взвилась на месте с громким ржанием, едва не ударив Матвея в живот, и девушка невольно схватилась за сердце. Он успел отскочить в сторону, но затем поймал лошадь за уздечку и погладил по шее, пристально глядя в глаза. Ей не было слышно, что именно он говорил, но в конце концов завел ту в оглобли, и на его лице появилась удовлетворенная улыбка.

Уже пристегивая к уздечке вожжи, он словно почувствовал взгляд Фаи и повернулся в ее сторону. Выражение его лица смягчилось, став почти ласковым. По дороге сюда Фая еще тешила себя мыслью, что боги вот-вот пошлют им чудо в обличье гонца, который принесет весть об отступлении кочевников или прибытии княжеской дружины. Чуда не случилось. И она могла лишь надеяться, что вид Матвея в боевом облачении, с огромным деревянным щитом и мечом в руках, окажется столь грозен, что противник будет бежать прочь в страхе. Ну а если даже помощи богов и предков будет недостаточно, добытый ею оберег должен помочь ему вернуться домой живым.

Старший брат потрогал дугу над головой лошади и что-то сказал Матвею, кивнув в сторону Фаи и Марфы. К тому моменту как он подошел к ним, вытерев руки о подол рубашки, сердце Фаи билось подобно барабану. Она едва сдерживала дрожь, сжимая в кулаках складки юбки.

— Здравствуй, Марфа, — вежливо сказал Матвей.

— Здравствуй, — проворчала она в ответ, смерив его внимательным взглядом с высоты своего небольшого роста. — Хорошо спал, как я погляжу.

— Да, — робко согласился он, прочистив горло. Фая склонила голову, послав бабушке многозначительный взгляд, прежде чем та могла сказать что-то о холодном берегу реки. К счастью, Марфа решила ограничиться короткой молитвой о его безопасности и отошла к знакомому старику, который прощался с зятем.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала Фая, прежде чем Матвей успел снова открыть рот, и показала подарок

Марены. — Он был освящен светом полной луны и уберет тебя во время битвы.

Юноша послушно наклонил голову, позволив ей надеть оберег ему на шею. Про себя Фая быстро читала молитву, буквально слыша в ушах скрипучий голос духа. Когда она произнесла последнее слово, ее пробрала дрожь, и даже Матвей дернул плечами, осторожно касаясь оберега.

— Как странно. С виду легкий, а весит, будто сделан из камня. Как много силы ты в него вложила, душа моя.

Руки Фаи инстинктивно сжали его плечи крепче. Он поднял глаза и обеспокоенно сдвинул брови, отмечая бледность и потухший взгляд девушки.

— Ты потратила на это всю ночь?

— Я бы провела ее с тобой, — ответила Фая, — коли знала бы, что этого будет достаточно, чтобы защитить тебя.

Руки Матвея сомкнулись на ее талии, почти обхватив ее целиком. Она прижалась лбом к его лбу, вдыхая знакомый запах, к которому примешивались тяжесть закаленного металла и свежесть сена, которым кормили лошадей.

— Вчера мне казалось, что я могу в одиночку выйти против целого войска, — тихо сказал он. — Если дома меня будешь ждать ты.

Фая скользнула пальцами по его коже, стараясь запечатлеть в памяти каждую деталь. Изгибы крепких мускулов на груди и плечах. Тепло ладоней, покрытых мозолями и старыми ссадинами, но тем не менее нежных.

— Ты мой свет, Матвей. Ты моя жизнь. И, когда ты вернешься, я первая выйду навстречу.

Улыбка, которой он ей ответил, стоила каждого мгновения боли, которую она испытывала из-за вчерашнего ритуала. В уголках глаз тонкими лучами разбежались морщинки, и она прикоснулась к ним большими пальцами.

Рядом раздался звук шагов, и Фая увидела внушительную фигуру его дяди. Сквозь седую бороду Бориса проглядывала усмешка, глаза были прищурены.

— Решил взять на битву свою красавицу? — последнее слово прозвучало почти небрежно. — Боюсь, кольчуги для нее у нас нет, как и меча.

— Нет, дядя, — ровным голосом откликнулся юноша, в защитном жесте сжимая ее талию крепче. — Она уже подарила мне свое благословение.

— Снова цветочки? — Матвей несколько месяцев носил при себе подарок из ее сада, пока цветок не обратился в пыль. — Не задерживайся. Мы выступаем. Поприветствуем эту нечисть раньше, чем они ожидают.

Слова Бориса рассекли воздух подобно лезвию меча. Фая тихо выдохнула и прикрыла глаза, когда Матвей поцеловал ее в лоб.

— Мне нужно что-то отдать тебе. Это принадлежало моей семье...

— Отдашь, когда вернешься! — ответила она, яростно потряхнув головой и приказывая себе стоять прямо, хотя ноги держали ее с трудом. Матвей покорно кивнул и отступил на шаг, не отрывая взгляда от ее лица, словно не мог насмотреться. Его голос был полон нежности.

— Я вернусь, моя милая.

Он ушел следом за дядей, ступая твердо и держа подбородок высоко — воин, готовый к битве. Проводы завершились, и, стоя между Марфой и его матерью в толпе жителей, Фая смотрела, как уезжала за ворота вереница повозок, окруженных воинами. Дорогу и поля заволокла туманная дымка, мерцающая розовым в свете солнца. Кто-то из мужчин завел песню о храбрости воинов и великой битве, о которых позже сложат легенды, и постепенно ее подхватили все остальные. Фая не слышала ни слова. До тех пор пока могла, она смотрела на удаляющуюся высокую фигуру, подняв дрожащую руку, когда ей показалось, что Матвей обернулся. Затем створки тяжелых ворот сомкнулись, отрезав их друг от друга. Стражники задвинули засов.

— Фаина.

Варвара, мать Матвея, крайне редко снисходила до обращения к Фае. Выйдя замуж в тринадцать, как и положено, позже она родила семерых детей, четверо из которых уже умерли, а для оставшихся желала найти лучших невест, с достойным приданым, работающих и скромных. Покойные жены двух старших сыновей этими качествами не отличались, и жениться снова те не спешили, пресытившись капризами. Варваре помогали и сваха, и невестка, хорошо знавшие все семьи с незамужними дочерьми. И обе они считали, что Фаина уступала другим по возрасту и богатству и несильно превосходила их в талантах. Придирчивые глаза всегда могли найти изъяны в ее рукоделии, а она еще смела дерзить, защищая свою работу. Готовила она сносно, но слишком просто, так как приходилось беречь мясо. Не ленилась, когда работала в поле и огороде, но ее страсть к саду не воспринималась серьезно. Вот если бы в приданое за нее давали столько же коров и овец, сколько у нее было цветочных кустов, Варвара, возможно, посмотрела бы на невзрачную бедную сироту иначе. Свояченица то и дело отпущала намеки, что их присутствие становится накладным, хотя тут могла быть замешана и ревность: Борис начал оказывать вдове брата знаки внимания.

То, как Фаина запала в душу Матвею, повергло в недоумение всю семью. Он виделся с ней так часто, как позволяли дела, хвалил все, где другие находили недостатки, и поднимал на смех все подозрения относительно веснушек. Более достойные девушки вроде дочерей знахаря, которые не отличались худобой и точно смогли бы родить здоровых детей, для него просто не существовали — даже в качестве вторых жен. Матвей поссорился с дядей, заявившим об алчных намерениях его единственной наперсницы. А перед походом и вовсе заявил, что, если ему однажды не позволят взять ее в жены, он больше никогда не переступит порог дома воеводы.

Наблюдая, как он и Фаина прощались друг с другом перед уходом войска, ослабевшая от тревоги Варвара вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. В тот момент де-

вушка, казалось, искренне переживала о его судьбе. Даже отказалась принять подарок, который Матвей выпросил накануне, пользуясь снисходительностью матери. Ее привязанность к нему была тихой, без громких бесполезных истерик и отчаянных проклятий. И на памяти Варвары никто так не смотрел на ее мальчика.

Поддавшись порыву, она сказала, глядя в удивленные зеленые глаза:

— Когда Борис и мои сыновья вернутся, после общего пира мы устроим праздник. Приходите и вы с Марфой.

Она не давала никаких обещаний. Не говорила, что сочла ее хорошей женой своему сыну. И все же уставшее лицо девушки просияло, словно на нее снизошло благословение, а глаза заблестели.

— Благодарю от всего сердца, сударыня. Я верю, они обязательно вернутся.

* * *

Время тянулось медленно, как мед, стекающий с пчелиного улья на землю. Фая не находила себе места, переходя из одного конца двора в другой. Огород был прополот, сено перевероршено, а руки дрожали слишком сильно, чтобы заниматься ткачеством. Оставив станок, она взялась очищать стену печи, закоптившуюся после целого дня приготовления подношений. В горнице до сих пор сильно пахло дымом. То и дело Фае приходилось останавливаться, вытирая с лица пот и надеясь, что секунда отдыха уймёт растущую боль в груди. Ранка не воспалилась и не загноилась, но продолжала терзать ее, несмотря на все молитвы и чудодейственную мазь.

Это все неважно, повторяла себе Фая; совсем неважно, если в конце концов жизнь Матвея будет спасена. Услышав снаружи шум, она порывалась бежать к двери, но всякий раз это была какая-то примитивная, раздражающая ерунда. Дети, ведущие овец на луг, сбежавшие собаки, девушки, направлявшиеся на реку с корзинами стирать нарядную

одежду. Если исход битвы будет благоприятным, она пригодится для праздничного пира. Если нет — для проведения тризны¹. Все вели себя как обычно, чтобы не отвлекать внимание богов, помогающих мужчинам на поле битвы. Марфа отправила к реке и Фаю, но та сбежала домой, даже не отжав белье как следует: слушать размышления на тему, подоспела ли к их войску подмога, быстрые ли у кочевников кони и сколько будет длиться битва, для нее было невыносимо. Ей они не приносили никакого облегчения. Зато кровавое пятно с платка почти удалось вывести. Фая повесила его на солнце, чтобы окончательно выбелить, и ненадолго дала волю слезам.

День склонился к закату. Тени вытянулись, рассекая дорогу к воротам так, что она стала чем-то похожа на мост, сложенный из неравных бревен. Фая отогнала мысли о Калиновом мосте, не сводя глаз с дозорных башен. Битва, говорили за ее спиной другие жители, должна была давно закончиться. И если их войско потерпело поражение, то кочевники уже должны были быть здесь, жечь, убивать и грабить. А если нет, то кто знает — может быть, победа была одержана, но никого не осталось в живых...

Фая стиснула зубы, борясь с желанием закричать. И, возможно, даже отвесить крепкую затрещину, дав новый повод для проклятий. От боли в груди и накопившегося за последние часы напряжения к горлу подступала тошнота. Если они не вернутся до полуночи, их будут встречать на рассвете. А затем люди придут сюда еще раз, моля богов о милости.

— Что это? — вдруг громко спросил кто-то, и в собравшейся толпе постепенно воцарилась тишина. — Похоже на песню.

Фая напрягла слух, и действительно — издалека донесся нестройный, совсем слабый, хор мужских голосов. Знакомых ей голосов, празднующих победу.

---

¹ Языческие погребальные обряды у восточных славян.

— Перун великий, Перун всемогущий!

Тишина в один миг сменилась торжествующим ревом. Кто-то толкнул Фаю в спину, так что она поперхнулась воздухом, и Марфа прижала ее к себе, обругав соседа. Ворота отворили быстро, но Фае казалось, что прошла целая вечность, прежде чем она, стоя в первом ряду, смогла увидеть первую повозку и услышать, как воины возвещают об одержанной победе. Ей не было дела до захваченных лошадей, которые поселятся в конюшнях воеводы, как и пленных, будущих жертв в благодарность богам за помощь. Ехавший во главе строя Борис Рокотов мог заявить, что сам решил стать кочевником, и она не моргнула бы глазом. Но вот звук драгоценного имени заставил обратиться в слух.

— ...Поединок перед боем был таким долгим, что нечисть начала терять терпение, — громко говорил воевода, весь в крови, но торжествующий. Он замедлил шаг лошади, вынуждая всех, кто шел следом, поступить так же. — Они-то решили, жребий обрек нашего Матвея на быструю смерть: их воин был огромен, как бык, а меч у него — что копье. Легко пронзит насквозь и медведя. А Матвей отказался от кольчуги, чтобы оставаться быстрее, как его научил отец, мой дорогой брат. Его дух был с нами на поле битвы.

В толпе раздавались вздохи и аханья. Фая в отчаянии прижимала кулаки к груди и не сдержала крик, когда наконец-то увидела знакомое лицо. Миновав ворота верхом на захваченной лошади, Матвей смотрел на нее и улыбался. По его испачканному грязью лицу текли слезы облегчения и радости. Ее зрение сузилось, погружая во мрак их окружение и оставляя лишь его фигуру в свете закатного солнца — будто божество спустилось на землю и приняло человеческий облик.

Рев вокруг стал еще громче.

— Об этой битве будут слагать легенды! — продолжил воевода. Матвей подъехал ближе к нему, по-прежнему не произнося ни слова, но глядя только на Фаю. За ним следо-